

ВСТУПЛЕНИЕ

Поздно вечером они вернулись из-за города, и он сразу лёг спать и провалился в волшебный сон. Он видел чудесный сад, в котором всё было на радость людям: звенел подснежный колокольчик, белел нежный ландыш, а рядом с ним росла скромная незабудка. До него доносились запахи фиалки, сирени и жасмина. Кругом летали птицы, и ощущалось присутствие незримых ангелов. В середине сада красовались огромные розы, из которых выглядывали девичьи лица: из белой розы глядела белая девица, из красной – красная, из черной – чёрная. Эти розы обрамляли чистый водоём, в котором сияла царственная лилия. Её аромат, казалось, сливался с Божьим дыханием, а на всём лежала печать недостижимого на земле покоя. Он слегка шевельнулся и вдруг увидел скорбное лицо своего отца – Поликарпа Ефимовича. Из-за его плеча робко выглядывала мама. Тут с белой розы упала росяная капля, и Юрий Поликарпович медленно стал просыпаться. Он обвёл взглядом комнату, понял, что находится в московской квартире и что пора собираться на работу в журнал “Наш современник”.

Тем временем верная Батима накрывала на стол. Завтракали они вместе со старшей дочерью Аней и приехавшими в Москву погостить из Казахстана сестрой и племянницей Батимы. Все почувствовали, что поэт погружён в себя, но поскольку это с ним случалось нередко, не придали этому значения.

Он же, словно получив сигнал из мира иного, мучительно что-то обдумывал. Наконец, вышел из-за стола, взял в руку папку с бумагами и сказал Батиме:

– Домой! Я должен ехать домой!

– Юра, ты дома. Тебе пора на работу, – сказала удивлённая Батима.

Он успел дойти до дивана, сел и потерял сознание. Аня бросилась вызывать “скорую”. Сестра Батимы, сама врач, стала прощупывать пульс и покачала головой. Приехавшая “скорая” могла только констатировать свершившееся: поэт скончался. Далее Батима ничего не помнила. Она отключилась. У Ани потом хватило сил ознакомиться с результатами вскрытия. Её шестидесятидвухлетний отец ничем не болел, не имел хронических болезней. Но вскрытие показало, что, по словам врача, у него было сердце девяностошестилетнего человека.

*Верно, мне позволил Бог увидеть,
Как умеют предавать свои,
Как чужие могут ненавидеть
В ночь перед сожжением любви.*

*Вон уже пылает хата с краю,
Вон бегут все крысы бытия.
Я погиб, хотя за край хватаю:
— Господи! А Родина моя?*

В его лирике неоднократно возникала тема его посмертной судьбы. Еще в 1974 году, почти за тридцать лет до смерти, он писал в стихотворении “Защещение”:

*Объятья возвращаю океанам,
Любовь — морской волне или туманам,
Надежды — горизонту и слепцам,
Свою свободу — четырём стенам,
А ложь свою я возвращаю миру.
В тени от облака мне выройте могилу.*

*Кровь возвращаю женщинам и нивам,
Рассеянную грусть — плакучим ивам,
Терпение — неравному в борьбе,
Свою жену я отдаю судьбе,
А свои планы возвращаю миру.
В тени от облака мне выройте могилу.*

Между тем, посмертная судьба поэта сложилась на редкость удачно. После смерти он получил, казалось бы, всё, о чём мог мечтать любой поэт: каждый год Институт мировой литературы, Литературный институт и Союз писателей России проводят посвящённые его творчеству научно-практические конференции и издают соответствующие научные труды. Вышло его пятитомное Собрание стихотворений, издаются сборники воспоминаний. В сознании если не народа, то, по крайней мере, русской интеллигенции всё более утверждается мысль: Юрий Кузнецов для своего времени был первым поэтом России.

Накал трагизма в его поэзии, плач о гибели земли Русской слишком высок и велик. На его могильной плите на Московском Троекуровском кладбище выбиты две строки, написанные им ещё в 1970 году:

*Но русскому сердцу везде одиноко...
И поле широко, и небо высоко.*

В ЛИТИНСТИТУТЕ

Когда читаешь о годах, проведённых Ю. Кузнецовым в Литературном институте им. М. Горького, то, несмотря на все сложности, противоречия разворачивавшихся вокруг его творчества дискуссий, возникает ощущение, что это лучшее место на земле. Институт был создан в 1933 году; специфика его заключалась и заключается в том, что значительную часть профессорско-преподавательского корпуса составляют писатели, которые делятся со студентами секретами своего профессионального мастерства. Это подразумевает более свободную, чем в традиционном филологическом вузе, форму занятий: приглашение на них известных писателей, широкое обсуждение творческих работ членов того или иного семинара, творчески составленный учебный план.

10 апреля 1965 года Ю. Кузнецов отправил в Литинститут из Краснодара заявление с просьбой о приёме, автобиографию и подборку стихов.

Потребовали и ещё кое-какие документы, а кузнецовскую подборку отдали на рецензию известному поэту и критику Александру Коваленкову. Он был предельно осторожен, но всё-таки отметил ставшие знаменитыми кузнецов-

ские строки из стихотворения “На реке”: “И снова за прибрежными деревьями // Выщипывает лошадь тень свою”. Он дал положительный, хотя и не содержащий в себе восторгов отзыв о стихах Кузнецова.

Более щедрым на похвалы оказался второй рецензент – известный поэт Владимир Соколов.

Экзамены проходили в октябре, и сдал их Кузнецов без блеска, получив тройки за сочинение, устную литературу и историю, четвёрку – за русский устный и пятёрку – за испанский язык. Этих баллов хватало для поступления на заочное отделение, а поэт не переставал мечтать о дневном.

Я считаю, что в Литинституте ему также сразу повезло: он попал на семинар знаменитого критика Александра Алексеевича Михайлова, специализировавшегося на исследовании поэзии. Александр Алексеевич был оппонентом моей кандидатской диссертации, и я его хорошо знала. Доброжелательный, особенно к молодёжи, блестяще знающий свой предмет – получить его отзыв о себе считалось само по себе хорошей рекомендацией. Он сделал много дельных замечаний Ю. Кузнецову, например: “Зачем вам эта поза усталого от жизни, разочарованного и разуверившегося человека? Ей же богу, это уже скучно и неинтересно, и давно всем надоело”...

Кузнецов просил у Михайлова характеристику, чтобы перевестись на дневное отделение. Но Михайлов дал характеристику настолько сдержанную, что полный негодования Кузнецов швырнул в него стулом.

Помог Ю. Кузнецову поэт-фронтвик Михаил Львов. Он, с одной стороны, заручился ходатайством председателя творческого бюро поэтов Ярослава Смелякова, с другой – договорился со своим другом Сергеем Наровчатовым, который вёл в Литинституте поэтический семинар. У Наровчатова была своя традиция построения семинаров: на первых занятиях он выслушивал написанные за лето стихи студентов, затем проводил беседы – о происхождении поэзии, назначении поэта и поэзии, стихосложении. Часто обсуждались стихи популярных поэтов и студентов-“семинаристов”.

Мои воспоминания о Наровчатове относятся как раз к тем годам, когда у него учился Кузнецов. Личность была колоритная. Помню, мы с сестрой и родителями едем из дома творчества “Коктебель” в аэропорт Симферополя на “рафике” вместе с четой Наровчатовых. Сергей Сергеевич совершенно пьян, и Галине Николаевне мучительно стыдно за него. Она умоляет папу не спускать с него глаз, чтобы он не пропустил нужного нам самолёта. Наровчатов время от времени бросает величественные реплики: “Не с кем здесь общаться. Хемингуэй застрелился, а Шолохов сюда не ездит”. Или: “Были с писательской делегацией в Париже. Все покупали себе тряпки. А мы ничего не купили, не нашли размеров” (оба были очень полны). У него была прекрасная библиотека, которой, в частности, пользовался и Ю. Кузнецов.

И вот 6 декабря 1966 года на семинаре должно было обсуждаться его стихотворение “Зелёные поезда” (впоследствии переработанное в “Стихи о сельском интеллигенте”). В стихотворении речь идёт об интеллигенте, “начистившем туфли щёткою зубной”, едущем вместе с сельским трактористом Митькой в город. При этом деревня трактуется как “здравый смысл России”, а в городе интеллигент для себя места не находит.

Обсуждение превратилось в разгром. Двенадцать студентов, имена большинства которых неизвестны даже специалистам по русской литературе, высказались о стихах резко отрицательно. Не бросил камня в Кузнецова лишь Лев Котюков. Наровчатов заявил, что главный герой Кузнецова – это “нервный, колючий, неустроенный подросток”. Но прибавил: “Работа интересная. Я за такие поиски”.

Всех своих “семинаристов” Наровчатов перевёл на третий курс.

Через год Кузнецов опять обсуждался на семинаре и прославился не только на весь Институт, но едва ли не на всю страну стихотворением “Атомная сказка”.

*Эту сказку счастливую слышал
Я уже на теперешний лад.
Как Иванушка во поле вышел
И стрелу запустил наугад.*

*Он пошёл в направленье полёта
По сребристому следу судьбы*

*И попал он к лягушке в болото,
За три моря от отчей избы.*

*“Пригодится на правое дело!” —
Положил он лягушку в платок,
Вскрыл ей белое царское тело
И пустил электрический ток.*

*В долгих муках она умирала,
В каждой жилке играли века.
И улыбка познанья играла
На счастливом лице дурака.*

Это стихотворение теперь входит в школьную программу, хотя думается, что не оно является шедевром Кузнецова, но некоторым очень нравится воспринимать русский народ в виде Ивана-дурака. А в те годы о стихотворении Кузнецова писали и А. Михайлов, и влиятельный критик Ю. Барабаш.

Естественно, что похвалил своего студента и С. Наровчатов, порекомендовавший перевести его на четвёртый курс. Но это оказалось не так просто.

Ю. Кузнецову навязали курсовую работу о Я. Смелякове, и молодой поэт осмелился высказать ряд критических замечаний в адрес мэтра. Этого Литинститут допустить не мог, и рецензию на курсовую работу Кузнецова писал маститый советский критик Василий Семёнович Сидорин. Конечно, он взял Смелякова под защиту, и переведён на четвёртый курс дерзкий студент был только стараниями Наровчатова.

Сложная история с курсовой не сделала Кузнецова осторожнее. Следующее недоразумение произошло у него с профессором Друзиным на семинаре по творчеству Блока. Всё началось из-за незначительной реплики.

Друзин процитировал знаменитые слова Блока:

*Сотри случайные черты —
И ты увидишь: мир прекрасен.*

Тут раздалось слово: “Это легковесно для Блока!”

К поэзии Блока Кузнецов относился уважительно. В 1970 году в стихотворении “Поэзия давно легендой стала” он писал:

*Три поколенья после Блока — серо,
Соперника не родилось ему.
Кто искру даст славянскому уму?
На Западе нет вещего примера,
И сами не приходим ни к чему.*

Тем не менее, конфликт с Друзиным пришлось улаживать долго.

Вообще же Кузнецову в институте из преподавателей нравились античица Аза Алибековна Тахо-Годи, “древница” Ольга Александровна Державина, зарубежники Валентина Александровна Дынник и Сергей Дмитриевич Артамонов, преподаватель русской литературы Михаил Павлович Ерёмин, аспирант Константин Кедров.

Что касается друзей, то в молодёжных компаниях, которых всегда так много собиралось в общежитии, поэт участвовал, но “в поколение друга не нашёл”. Он высоко ценил Рубцова, но они практически не общались. Однажды Рубцов зашёл на кухню, где находилась Кузнецов. Подставив под кран пустую бутылку, он взглянул на Кузнецова и спросил:

— Почему вы со мной не здороваетесь?

Кузнецов пожал плечами, а Рубцов, уходя, сказал:

— Я гений, но я прост с людьми.

Кузнецов подумал: “Не много ли: два гения на одной кухне?”

Жизнь поэта, в конечном итоге, всегда тайна. Особые обстоятельства сопутствовали его знакомству с его будущей женой Батимой Каукуеновой.

Достоверно известно, что “душой исполненный полёт” Ю. Кузнецова произошел 9 ноября 1967 года. Его позвали в студенческую компанию, где его

уже дожидалась неизвестная красавица. Поэт захотел её поцеловать, она стала уворачиваться.

- Или-или! — закричал поэт.
- А что такое? — спросила она.
- Или я прыгаю из окна.

До земли оставалось шесть этажей, и Кузнецов прыгнул в сторону водосточной трубы, по которой он надеялся добраться до земли. На высоте четвёртого этажа он вначале застрял между стеной и трубой, затем разжал руки и полетел вниз. Его срочно увезли в больницу.

А в это время его однокурсница с переводческого отделения Батима Каукенова звонила с первого этажа общепития родным в Семипалатинск. Это она вызвала “скорую” и стала навещать Кузнецова в больнице, где он пробыл, впрочем, недолго. Юрий давно нравился Батиме, но раньше они не общались.

И вот теперь:

*За сияние севера я не отдам
Этих суженных глаз, рассечённых к вискам.*

*В твоём голосе мчатся поющие кони,
Твои ноги полны затаённой погони.*

*И запястья летят по подушкам без ветра,
Разбегаются волосы в стороны света.*

*А двуострая грудь серебрится...
Так вершина печали двоится.*

Батима Каукенова, на которой Кузнецов женился 11 января 1969 года, стала его верной спутницей, матерью двух его дочерей, заботливой хозяйкой его дома, а после смерти поэта — хранительницей памяти о нём.

Не всегда всё было гладко, как в любой семье, и эти шероховатости порой отражались в лирике Кузнецова, но истинное отношение его к жене отразилось в стихотворении “Серебряная свадьба в январе” (1994):

*Луна и снег блестят. И серебрятся
Уже навеки волосы твои.
А чёрные до пят — мне только снятся,
Их шум напоминает о любви.*

*Про эти сны, про этот шум потери
Я расскажу тебе когда-нибудь.
Покуда гости не толкнулись в двери,
Я всё забыл — и свой увидел путь.*

*Садился шар. Заря в лицо мне била.
Ты шла за мной по склону бытия.
Ты шла в тени и гордо говорила
На тень мою: — Вот родина моя!*

*И волосы от страха прижимала,
Чтоб не рвались на твой родной Восток.
Ты ничего в стихах не понимала,
Как меж страниц заложенный цветок.*

*Хотя мы целоваться перестали
И говорить счастливые слова,
Но дети вдруг у нас выросли
Красивые, как дикая трава.*

*Над нами туча демонов носилась.
Ты плакала на золотой горе.*

*Не помни зла. Оно преобразилось.
Оно теперь — как чернь на серебре.*

Ю. Кузнецов говорил о Батиме: "...я за всю жизнь сказал, кажется, только три раза "люблю". И один из этих трёх раз выпал, конечно, той женщине, которая стала моей женой. Она у меня первая и последняя".

В марте 1969 года начались защиты дипломных работ в Литинституте. Отзывы на работу Кузнецова прислали Наровчатов, Владимир Мильков и зарубежник С. Д. Артамонов. Не пришедший на защиту Наровчатов в своём отзыве сосредоточился на "Атомной сказке". Присутствовавший на защите С. Поделков назвал прелестными знаменитые кузнецовские строки "И снова за прибрежными деревьями // выщипывает лошадь тень свою". Очень серьёзно подошёл к написанию отзыва С. Д. Артамонов. "В стихах Кузнецова, — писал он, — ощущается какая-то большая печаль. Она присутствует почти в каждой строке".

С. Д. Артамонов говорил о неоруссоизме, в котором видел здоровый консерватизм поэта.

"Стихи Юрия Кузнецова задушевные, лиричны и умны... Я от всей души желаю ему счастливого пути в большую поэзию".

Сергей Наровчатов из учителя постепенно стал другом Кузнецова:

*Ученик переходит на "ты"
По старинному праву поэта.
— Расскажи, как взрывала мосты
Твоя юность над Стиксом и Летой.*

*Как скрипели перо и песок
И строка на строку налетала.
Только пули свистели меж строк,
Оставляя в них привкус металла...*

*Так напомни последним друзьям,
Так поведай грядущим невеждам,
Как ты шёл по зелёным дворам,
Как ты шёл по опавшим надеждам.*

*Как спросил у бегущего дня:
"Чёрт ли там, молодой и безвестный?"
И с опаскою вырвал меня,
Словно грешного духа, из бездны.*

Литинститутская юность заканчивалась. Поэту предстояли суровые московские будни.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ "СОВРЕМЕННОК"

После окончания Литинститута Юрий Кузнецов и его жена Батима оказались без прописки и без работы. Начались годы скитаний по съёмному жилью. Вначале была комната на Лосиноостровской улице, потом — на улице Дыбенко. Батиме удалось оформить себе и мужу временную прописку на год. Сама она стала работать в Союзе писателей консультантом по казахской литературе, но длилось это недолго — у Союза писателей Казахстана был свой кандидат на этот пост.

Далее Батиме помог видный критик и парторг Союза писателей Чингиз Гусейнов. Он знал, что Верховному Суду нужны специалисты-тюркологи. Там Батима и проработала всю свою жизнь вплоть до недавних времён.

В декабре 1970 года у Кузнецовых родилась старшая дочь Аня. А вскоре нашёл работу и Юрий Поликарпович.

В 1970 году по инициативе русских писателей Леонида Соболева, Юрия Бондарева, Ивана Акулова, Сергея Михалкова и председателя Госкомиздата России Николая Свиридова было создано издательство "Современник". Оно не скрывало своей патриотической направленности.

Первым директором издательства был замечательный специалист по творчеству Есенина Юрий Прокушев. Первой выпущенной в издательстве книгой стала военная проза М. Шолохова. В издательстве работали тонкий лирик Ю. Панкратов, писатель-деревенщик Владимир Крупин, поэты Игорь Ляпин, Геннадий Фролов, Алексей Миньков, публицист Александр Байгушев. Главным редактором издательства в 1970–1980-е годы был поэт Валентин Сорокин.

Есть легенда, что Сорокин и привёл Кузнецова в издательство, ибо в Тихорецке его об этом слёзно молила мать поэта Раиса Васильевна, работавшая администратором в гостинице, где остановился Сорокин.

Хлопотал за Кузнецова и Сергей Наровчатов, ставший к тому времени руководителем Московской писательской организации. Взяли поэта вначале на низовую должность младшего редактора в редакцию национальных литератур. Его начальником был прозаик Ванцетти Чукуреев, сделавший в 1973 году Кузнецова своим заместителем.

К этому времени “Современник” считался лучшим издательством России. Он выпустил книги Ф. Абрамова, В. Белова, В. Шукшина, В. Распутина, В. Лихоносова, Б. Можая, В. Чивилихина, П. Проскурина, А. Иванова.

Работа Кузнецова была непроста, ибо многие русские поэты рассматривали перевод национальных поэтов как кормушку и узаконенную халтуру. За этим стояла борьба целых переводческих кланов. Кузнецов пытался этому противостоять, но это не всегда получалось.

В издательстве Кузнецов завёл друзей – Геннадия Фролова, Ванцетти Чукуреева, Юрия Панкратова, Владимира Дробышева.

“Улучшились” и его жилищные условия. В 1972 году Верховный Суд предоставил Батиме с мужем и дочкой шестнадцатиметровую комнату на Большой Серпуховке. По воспоминаниям современников, окно у поэта было завешено старыми газетами, мебель отсутствовала, в углу располагался резиновый матрас. Прожил там поэт до 1977 года. Соседями по коммуналке были татарская (он – безногий, она – слепая) и еврейская семьи.

В 1978 году Ю. Кузнецов написал стихотворение “Воспоминание о Большой Серпуховке”:

*На базарах сороки-воровки
Не болтают про те времена,
Как я жил на Большой Серпуховке
На кошмарах и ступе вина.*

*Что за думы на крюк попадались!
Что за сети ловили мой дух!
Что за твари на шею кидались!
Что за бури тягчили мой слух!*

*За стеною кричала старуха,
И таилась у самых дверей,
Напрягая отвислое ухо,
Человек непонятных кровей...*

*Но, не глядя, по русскому нраву,
По широкой привычке своей,
Я плевал на забвеньё и славу
И на подлую тень у дверей.*

Конечно, работая в издательстве, Кузнецов мечтал об издании своих книг. И вот, в 1974 году вышла его книга “Во мне и рядом – даль”, о которой заговорила вся литературная пресса. Была даже идея выдвинуть Кузнецова на премию Ленинского комсомола. В 1975 году поэт был избран делегатом IV съезда писателей РСФСР, где выступил с резкой критикой состояния советской поэзии.

“Мне лично кажется, – заявил он, – что вот уже лет двадцать в поэзии царит быт... А ведь назначение поэта в том и состоит, чтобы за поверхностным слоем быта узреть самое бытие”.

Свободными от быта Ю. Кузнецов считал Твардовского, Сергея Орлова, Николая Рубцова, Николая Тряпкина, а пленёнными бытом — Евгения Винокурова, Леонида Мартынова, Игоря Шкляревского.

Эту речь постарались замолчать, и карьера Кузнецова в “Современнике” приостановилась. Уже не могло быть и речи о назначении его на должность заведующего редакцией национальных литератур.

В 1976 году у поэта вышла вторая московская книга “Край света — за первым углом”, после чего Кузнецов решил уйти на вольные хлеба.

В 70-е годы были созданы такие его стихотворения, как “Поющая половина”, “Востоку”, “Возвращение”, “Четыреста”, “Я пил из черепа отца”, “Знамя с Куликова”, “Память”, “Муха”, поэма “Золотая гора”.

За некоторые из них ему досталось от критики. Больше всего, наверно, за стихотворение “Я пил из черепа отца”:

*Я пил из черепа отца
За правду на земле,
За сказку русского лица
И верный путь во мгле.*

*Вставали солнце и луна
И чокались со мной.
И повторял я имена,
Забывшие землѐй.*

Кузнецову пришлось оправдываться, объяснять, что первую строчку стихотворения следует понимать метафорически. 9 мая 1944 года отец поэта Поликарп Ефимович был похоронен на братском кладбище села Терновка под Севастополем. Поэтому

*И повторял я имена,
Забывшие землѐй.*

Раньше, в 1974 году было создано стихотворение “Четыреста”, посвящённое тому, как Юрий Кузнецов восстанавливал имена бойцов, погибших вместе с его отцом:

*Остановились на лету
Хребты и облака.
И с шумом сдвинула плиту
Отцовская рука.*

*В земле раздался гул и стук
Судеб, которых нет.
За тень схватились сотни рук
И выползли на свет.*

*А тот, кто был без рук и ног,
Зубами впился в тень.
Повеял вечный холодок
На синий божий день.*

Иногда можно встретить утверждения, что поэзии Кузнецова не хватает лиричности. Но лирика — это раскрытие характера в переживании, а переживание — это не обязательно эмоция, связанная только с любовью, дружбой или созерцанием природы. Кузнецов — не творец чистой лирики, ибо его переживание чаще всего связано с судьбой страны, осознанием распада великой державы, униженности народа и одновременным поиском выхода из духовного тупика.

*Сажусь на коня вороного —
Проносится тысяча лет.*

*Копыт не догонят подковы,
Луна не достигнет рассвет.*

*Сокрыты святые обеты
Земным и небесным холмом.
Но рваное знамя победы
Я вынес на теле моём.*

*Я вынес пути и печали,
Чтоб поздние дети могли
Латать им великие дали
И дыры российской земли.*

Сам Ю. Кузнецов осмыслил миссию поэта в речи на VII съезде писателей в 1981 году: “Несколько слов о державности поэтического мышления, — говорил он. — Ещё в 1919 году Блок написал: “Быть вне политики? С какой же это стати? Это значит бояться политики, прятаться от неё, замыкаться в эстетизм и индивидуализм”. Голос государства слышали и Державин, и Пушкин, и Лермонтов, и Тютчев. Разумеется, все они не соглашались с некоторыми чертами современного им государства, но при этом сама идея государственности была для них незыблемой... И поэт должен слышать голос державы. Ибо, по слову того же Блока, тот, кто прячется от всего этого, разрушает музыку бытия. И творчество оказывается неполнозвучным”.

За аполитичность от Кузнецова досталось и женской лирике (он тогда прославился своей критикой Ахматовой и Цветаевой), и “певцам малого быта”, “лишённым государственного слуха”. Ю. Кузнецов ещё раз похвалил Н. Тряпкина и Н. Рубцова за “державный завет”: “Россия, Русь! Храни себя, храни!”

Конечно, есть у Кузнецова и чисто лирические стихотворения.

Одно из них — совершенно удивительное — “Я в поколенья друга не нашёл...” Начинается оно с размышления о судьбе поколения, а заканчивается воспоминанием о прекрасной женщине, когда-то написавшей поэту письмо:

*Такой души на свете больше нет.
Забытую за поколеньем новым,
Никто не вырвал имени на свет
Ни верностью, ни мужеством, ни словом.*

Многие критики, опираясь на первую строку стихотворения, поспешили объявить Кузнецова сумрачным и одиноким гением. То, что это не так, видно даже по посвящениям его стихов, о том же свидетельствует и многолетняя дружба, которая связывала его с критиком и историком В. Кожиновым, скульптором П. Чусовитиным, поэтом и в дальнейшем священником отцом Владимиром Неждановым, С. Наровчатовым, критиком и литературоведом С. Небольсиным и многими другими людьми. Но в интервью критику Л. Звонарёвой (Литературная Россия, 1 сентября 1995, № 35 (1699)) Ю. Кузнецов трагически оценивал судьбу своего поколения: “Нам дали свободу действий, когда многим уже было далеко за сорок. В самых разных областях было застывшее стариков. Нас далеко не пускали, насильно отстраняли... Моё поколение передержали на мелких, подсобных ролях”.

Сам же Ю. Кузнецов, несмотря на это, главную миссию свою выполнял: подобно Пушкину, он “числился по России”.

Ученица Ю. Кузнецова по Литинституту Оксана Шевченко вспоминает, как он заботился о своих “семинаристах”: “Когда я слышу о том, что Юрий Кузнецов был суров в общении и ворчлив, мне становится обидно. Сложно представить себе более доброго человека. С первого курса он печатал своих учеников в одном из лучших толстых журналов России — “Нашем современнике”, где занимал должность редактора отдела поэзии. Когда он видел, что кому-то из нас нужна помощь (в том числе и материальная) или поддержка, он никогда не отказывал... Те, кто считал Юрия Кузнецова высокомерным и суровым, никогда не пытались понять его и услышать, да и просто взять те знания, которые он щедро раздавал своим ученикам”.

Известно, что Ю. Кузнецов состоял в переписке с великим русским композитором Георгием Свиридовым. 2 января 1986 года Свиридов писал: “Я – Ваш давний почитатель. Мне очень близко Ваше Слово, оно часто как бы и моё. Т<o> е<сть> в том смысле, что, имея дар, я бы говорил именно так и именно то, что говорите Вы подчас. Такое бывает исключительно редко!” Так что каждому бы таких друзей!

ПУТЬ К БОГУ

В девяностые годы материальное положение семьи поэта резко ухудшилось, и он с апреля 1994-го по ноябрь 1996-го работал в издательстве “Современный писатель”. Позже, с 1997 года и до последних своих дней он работал заведующим отделом поэзии в журнале “Наш современник”, где проводил два дня в неделю: понедельник и среду.

Работа в “Современном писателе” ознаменовалась двумя фактами. Первый: Кузнецов смог там издать три тома “Поэтических воззрений славян на природу” Афанасьева. Эта книга очень важна для понимания мирозерцания Кузнецова, ибо в очерке “Воззрение” он говорил о себе: “Я поэт с резко выраженным мифическим сознанием... Именно народные архетипы и бродячие сюжеты сформировали мою душу”. Можно вспомнить, что основные образы, например, стихотворения “Я скатаю родину в яйцо” взяты у Афанасьева. Издав книгу, поэт с радостью раздаривал её самым близким друзьям.

Второй факт: его заставили сидеть возле издательства и продавать собственные книги, о чём поведал германист Юрий Архипов. Друзья скупили большую часть книг поэта.

С начала девяностых годов и вплоть до смерти поэта в 2003 году его лирика знает две центральных темы – гибель России и возможность её нравственного возрождения.

*— Где ты, Россия, и где ты, Москва?
В небе, врагами зажатый,
Это бросает на ветер слова
Ангел с последней гранатой.*

*Пала Россия, пропала Москва.
Дико уставила взоры
Анти-Россия и анти-Москва
На телеящик Пандоры.*

Происходившие в стране перемены Ю. Кузнецов встретил без иллюзий. Надо сказать, что с 1975 года он был членом КПСС. Карьеру он не делал. Вероятно, свою роль во вступлении поэта в партию сыграла память о его отце и понимание того, что коммунизм многое дал народу. Дал великую страну, во имя которой и жил Ю. Кузнецов. Но воспринимал он коммунизм не догматически. В 1988 году он написал знаменитое стихотворение “Захоронение в Кремлёвской стене”:

*Когда шумит поток краснознамённый,
Рыдай и плачь, о Русская земля!..*

*Нашёл кирпич почётную замену,
Которую потомство не простит.
Ячейки с прахом прогрызают стену —
Она на них едва ли устоит.*

Но намного больший ужас вызвали у Кузнецова развал Советского Союза и расстрел Белого дома в октябре 1993 года.

*Что мы делаем, добрые люди?
Неужели во имя любви
По своим из тяжёлых орудий
Бьют свои... неужели свои?*

*Не спасает ни чох, ни молитва,
Тени ада польщут в Кремле.
Это снова небесная битва
Отразилась на русской земле.*

Эти настроения не были мимолётными. Год спустя поэт пишет стихотворение “Последний человек”:

*Он возвращался с собственных поминок
В туман и снег, без шапки и пальто,
И бормотал: — Повсюду глум и рынок,
Я проиграл со смертью поединок.
Да, я ничто, но русское ничто.
.....
— Все продано, — он бормотал с презреньем, —
Не только моя шапка и пальто.
Я ухожу. С моим исчезновеньем
Мир рухнет в ад и станет привиденьем —
Вот что такое русское ничто.*

Гибель страны рассматривается поэтом как его собственная боль:

*Прощайте, любовь и свобода!
Как тати, враги и друзья
Ударили в сердце народа,
А в сердце народа был я!*

Но несмотря на все тяготы русского пути, поэт ищет надежду на духовное (и геополитическое) возрождение России. Он вновь обращается ко временам Великой Отечественной войны и создаёт поэму “Из Сталинградской хроники” (1995), наиболее сильным фрагментом которой является стихотворение “Жертва Алексея Ващенко”. Алексей Ващенко в бою с немцами встал во весь рост, метнул гранату во вражеский дзот и в ту же минуту был сражён немецкой пулей.

*Там, на небе, меж злом и добром
Дух твой светлый рванул напролом
На мятежное вражье светило.
А на нашей на грешной земле
Твоё тело внизу на земле
Тот небесный рывок повторило.*

Россия — страна, стоящая перед Богом, о чём иносказательно говорится в стихотворении “Потягивание богатыря”:

*Тянулся в небо змей... Ужо!
Он сшиб его единым чохом.
И сон прошёл! И хорошо
Потягиваться перед Богом!*

Историософская доктрина “Москва — третий Рим” вспоминается поэтом в стихотворении “Строитель”, посвящённом человеку, пришедшему “из пустыни разбитого духа”:

*Он песчинку в раскрытой руке показал.
— Вот твердыня! — он голосом веры сказал. —
Вот основа Четвёртого Рима!*

Поэт полон веры в непоколебимость вековых устоев России, способной переварить любую политическую доктрину и остаться верной себе. В 1995 году Евгений Чеканов записывает свою беседу с Кузнецовым:

– Юрий Поликарпович, семья ваша бедствует... судьба детей ваших непонятна... Так что главное – поэзия? Или всё-таки, как Розанов говорил, наши дети “с их тёмным и милым будущим”?

– Поэзия!

– А как же дети?

Он (в страшном гневе, выпучив глаза):

– Да что ты говоришь? Что ты говоришь?”

Ещё раньше, в 1993 году, в год великого испытания, он создаёт гениальное стихотворение “Федора”, в котором Россия предстает в образе таинственного и мистического, полном несокрушимой внутренней силы и мужества, и главное – принципиально непобедимом.

*На площадях, на минном русском поле,
В простом платочке, с голосом навзрыд,
На лобном месте, на родной мозоли
Федора-дура встала и стоит.*

.....
*На лезвии ножа, на гололёде,
На точке i, откуда чёрт свистит,
На равенстве, на брани, на свободе
Федора-дура встала и стоит.*

.....
*Меж двух огней Верховного Совета,
На крыше мира, где туман сквозит,
В лучах прожекторов, нигде и где-то
Федора-дура встала и стоит.*

Стояние России (кстати, Федора в переводе с греческого означает дар Божий) происходит перед Богом. Именно размышляя о путях выхода родной страны из состояния тотального кризиса, в который она была искусственно ввергнута “прорабами перестройки”, поэт приходит к православию и создает образ Христа.

В 2001 году поэт пишет стихотворение “Видение Христа в урагане. 12 июня 2001 года”

*Шёл ураган на город тёмной славы,
Пластом ложилась каждая верста.
В разломе туч, над главами державы
Я увидел иконный лик Христа.*

И вот в 2000 году в газете “День литературы” публикуется поэма Ю. Кузнецова “Детство Христа”. В дальнейшем она была продолжена и стала частью триптиха “Путь Христа”, который вышел в свет в издательстве “Современный писатель”.

11 апреля 2000 года в Литературном институте Ю. Кузнецов провёл семинар для слушателей Высших литературных курсов под названием “Бог – вечная тема поэзии”. Свою поэму он рассматривал как словесную икону, отстаивая тем самым своё право на изображение Христа. “Христос – воплотившийся Бог, – говорил Ю. Кузнецов, – поэтому его можно изображать”. Ссылаясь на источники поэмы, он, помимо Священного Писания, назвал апокрифическое евангелие от Фомы. “Я копнул апокрифы, – говорил он. – До чего же они наивны! Хотя два-три сюжета я потом использовал. И уже замахнулся на поэму. Я полагался на интуицию, воображение и память о детстве. Поэма о детстве получила такой разгон, что я уже не мог остановиться. Надо было писать и юность, и зрелость Христа”.

А начиналось написание поэмы с Христовой колыбельной:

*Солнце село за горою,
Мгла объяла всё кругом.
Спи спокойно. Бог с тобою.
Не тревожься ни о ком.*

*Я о вере, о надежде
О любви тебе спою.
Солнце встанет, как и прежде,
Баю-баюшки-баю.*

С моей точки зрения, предельной задушевностью проникнута вся поэма. Прекрасна песня Лазаря с призывом “подняться на подвиг”, прекрасен Плач Богородицы (“Не Тебя ли я под рёбрышком лелеяла?”), величествен рассказ о страстях Христовых, выразителен эпилог, которому было не суждено воплотиться:

*Отговорила моя золотая поэма.
Всё остальное — и слепо, и глухо, и немю.
Боже! Я плачу и смерть отгоняю рукой.
Дай мне высокую старость и мудрый покой!*

Думается, что лучше всего о христианских поэмах Ю. Кузнецова сказал отец Владимир Нежданов: “То, что у него возникало на бумаге — образный ряд, цельная структура стиха, такая необычная, — этого человек придумать не может, он записывал то, что Бог ему давал”.

Однако не все были благосклонны к новаторской поэме Ю. Кузнецова.

Поэт собирался опубликовать свою поэму в “Нашем современнике”. 8 декабря 2000 года грозное письмо главному редактору журнала Ст. Куняеву направил протоиерей Александр Шаргунов с резким окриком: “Суть в том, что она [поэма] — ложь... О Христе-Боге он пишет как о земном человеке, облечённом в фантастические яркие одежды. Сплошь и рядом — профанация святости... Поэму вовсе не украшает эта её псевдонародность с псевдорусскими словами, с как бы перенесением на русскую почву евангельского сюжета...”

Защищал Ю. Кузнецова В. Кожин, но лучше всех поэт защитил себя сам. Он назвал поэму “Путь Христа” “своей словесной иконой” и сказал, что его критики (Крупин, Переяслов, Кокшенёва) впадают, “сами того не ведая, в ересь иконоборствующих, которая с ходу ведёт в иудаизм с его запретом на изображение”.

“Я хотел показать живого Христа, а не абстракцию, в которую Его превратили... Я лет десять размышлял над образом Спасителя, как бы всматривался в Него, представляя Его как живого. Я думаю, что в написании поэмы участвовало не только моё сознание, но и моя личная память, и память родовая. Ведь наши предки представляли Христа не как словесную абстракцию, а как живого Богочеловека. Именно Богочеловека, а не человека, как это часто получалось в литературе XIX–XX веков. Поэтому меня не удовлетворяли ни Ренан, ни Булгаков, ни даже Достоевский с его “Великим инквизитором”. В их Христе нет Бога, он у них просто добрый человек”.

Священник Ярослав Шипов после публикации поэмы “Путь Христа” демонстративно вышел из состава редколлегии “Нашего современника”. Впрочем, поэму поддержали отец Дмитрий Дудко и Станислав Куняев. Отец Дмитрий Дудко писал: “Спасибо Ю. Кузнецову за удивительную поэму, заставляющую нас думать и жить не по привычным законам и шаблонам, а, отрешившись от своих привязанностей, смотреть на всё с чистым чувством. Тут даже можно воскликнуть по-евангельски: “Если око твоё будет чисто, то всё тело твоё будет светло”.

А вот слова Станислава Куняева. В статье “Путь Христу” (2001) он писал: “В “Пути Христа” Юрий Кузнецов явил мироощущение человека, пришедшего к живому Христу, к Тому, Который сказал: “Не мир Я вам принёс, но меч”. К Тому, Который изрёк: “Царствие Моё не от мира сего”. К Тому, Который обронил: “Воздвигну храм Свой, и врата адовы не одолеют его”. С какой же благодотворной тяжестью воспринимались сии истины!”

Между тем, Христос и потусторонний мир, судя по всему, продолжали являться поэту в его видениях. В 2002 году он создаёт поэму “Сошествие в Ад” и говорит в интервью Владимиру Бондаренко: “Спросишь, откуда такой опыт? Из моих кошмаров”.

“В Священной Истории меня привлекло одно удивительное место — промежуток в три дня от смерти Христа до Его Воскресения. Согласно Священно-

му Преданию, Христос в этот промежуток сошёл в ад и вывел оттуда праведников и святых в рай. Вот находка для поэта! И единственная возможность сойти на тот свет вместе с Христом!”

Господь говорит в поэме Кузнецова:

Рай недалёк. Но дорога пойдёт через Ад.

Христос обещает вывести из Ада Иоанна Предтечу, Сизифа, Лао-цзы, трёх волхвов, Исава:

*И потянулись внутри светоносных лучей
Сонмы великие поднятых Богом людей.
Вон три волхва, Иоанн, патриархи с Исавом.
Это восшествие душ было впрямь величавым.*

Естественно, всякий, кто пишет об Аде, вступает в творческое соревнование, вольное или невольное, с Данте. Кузнецов осмелился бросить вызов великому флорентийцу. Он говорил: “Перейдём к Данте. Он пошёл по линии меньшего сопротивления, чем я. Его сопровождает Вергилий, а я следую за Христом. Загнав в ад своих политических врагов, он поставил свою поэму (“Inferno”) в рискованную близость к политическому памфлету. У него в аду из 79 конкретных исторических лиц 32 флорентийца. Среди “живых” персонажей моей поэмы нет ни одного моего личного врага”. Но есть в кузнецовском Аду враги его Родины, целая группа русских предателей, самих себя душащих. Среди них Олег Рязанский, Курбский, Мазепа, Павлик Морозов. В Аду находятся и деятели более близкого к нам периода русской истории: Хрущёв, Сахаров, Солженицын, Ельцин, Чубайс. Впрочем, здесь у поэта нет односторонности: Иван Грозный, Петр Великий и Сталин также помещены в Ад. Впрочем, низвержение в Ад не является для души окончательным приговором. Христос говорит:

*Многие будут в Раю, кто Меня поминает
И поддаётся прощенью по выслуге мук.*

Мы видим это прощенье как бы воочию. О Гоголе сказано:

Раньше по плечи горел, а теперь по колени.

Примерно то же самое произошло и со Сталиным:

Раньше по плечи, теперь он по пояс горел.

Поэма представляет собой бесценный источник и для понимания точки зрения Кузнецова на мировую историю и культуру. В Аду оказались тамплиеры, Гутенберг, Колумб, Эразм Роттердамский, Шекспир, Декарт, Вольтер, Руссо, “храбрый Корнилов и честный Деникин” как участники гражданской войны, Тухачевский, Черчилль и Рузвельт. Интересно, что первоначально план кузнецовского Ада мыслился более усложнённым. 23 декабря 2001 года Кузнецов звонил скульптору Петру Чусовитину, “спрашивал, нельзя ли представить ад в виде лабиринта, и просил сохранить разговор в тайне”. Но уже 16 декабря 2002 года Чусовитин записывает за ним: “Поставил последнюю точку 24 октября... От пространственной модели ада как лабиринта пришлось отказаться из-за тесноты, отсутствия простора. Мой ад — это долина, сень”...

В поэме сказано:

*Мы приближались к пучине под именем Ада,
К бездне, окутанной тучами страха и смрада.
Полный печали и трепета, я произнёс:
— Мы под Землёй? — Под Вселенной! — ответил Христос.*

Но далее перед визионерским взором поэта предстаёт картина искупления — Христос поднимает прощённых грешников в Рай.

*Встань Бог на тучу и подъял высокие знаки
И не вечерние — свет преломился во мраке.
И потянулись внутри светоносных лучей
Сонмы великие поднятых Богом людей...*

.....
*Свет перед нами летел над волнами эфира.
Мне открывалось иное сияние мира.*

Полный восторга и трепета, я произнёс:

— Мы над Землёй? — Над Вселенной! — ответил Христос.

Впрочем, в беседе с Владимиром Бондаренко Ю. Кузнецов замечал: “Ты поверхностно читал мою поэму и не заметил кита (или Левиафана). Не заметил и того, что в поэме как бы два ада. Один с прописной буквы, а другой — с маленькой. . .

*— Кит погружается! — молвил Христос. — Свят, свят, свят! —
Молвили ангелы, — ад погружается в Ад.*

Остров, он же кит, он же Левиафан — это воплощение Сатаны. В поэме Кузнецова Христос всё время спрашивает, где Сатана, и, наконец, находит его:

*Ты обозвал Меня братом. Обмолвка сия
Паче безумной гордыни твоей... На колени.
Несть! — заревел Сатана, выступая из тени.*

.....
*Это был Левиафан! И ударом хвоста
Ад всколыхнул и обрушил его на Христа.*

.....
*Бог огляделся во тьме и нахмурил чело:
— Всё поддаётся прощению, только не зло.
Я изменю и его! Эй вы, люди, в дорогу!
Пыль из-под ног посылала проклятия Богу.*

И, как ни испепелял Господь Сатану, но в конце поэмы

Испепелённый незримо стоял где-то рядом...

Поэма “Сошествие в Ад” оказалась энциклопедией исторических, философских, политических и культурологических взглядов Кузнецова, во многих отношениях — ключом к его предыдущему творчеству, и больше всего он боялся умереть, не окончив её.

Поэт жаждал донести до читателя то, что открылось ему в его вещих снах. В 2002 году он сказал Чусовитину: “Когда было написано уже около трёхсот строк, я вдруг испугался, что умру, и поэма останется незаконченной. . . Державин, к примеру, умер, не дописав стихотворения, ну и что? Одним стихотворением меньше — ничего страшного. Но у меня же другой случай. . . Всё время думал: только бы не умереть, только бы не умереть”.

Но вот поэма окончена, и поэт пишет её последние строки:

*Странно и сладко звучат не вечерние звоны.
Солнце садится, и тени ложатся на склоны.
Сладко и больно последние листья ронять.
Я возвращаюсь за письменный стол — умирать.*

*Отговорила моя золотая поэма.
Всё остальное — и слепо, и глухо, и немо.
Боже, я плачу и смерть отгоняю рукой.
Дай мне смиренную старость и мудрый покой.*

Мы знаем, что до смиренной старости поэт не дожил, и не знаем, возможен ли в мире ином “мудрый покой”.

Новаторская поэма Кузнецова вовсе не была принята на “ура”. Ему досталось, в том числе и от своих — патриотов.

Критик Николай Переяслов разразился статьей, в которой, в частности, заявил: “Говоря о последней из христианских поэм Юрия Кузнецова и факте самовольного помещения поэтом ряда своих — если бы вымышленных, а то ведь реально существовавших в истории и живущих сейчас! — персонажей в адские глубины, просто невозможно не коснуться нравственной стороны его творчества и, в частности, такого из “смертных” для христианина грехов, как гордыня. Именно она ведь является той движущей силой, что позволяет приверженцам метода постмодернизма без малейших колебаний использовать по своему усмотрению не принадлежащие им художественные открытия и находки своих литературных предтеч”.

Упрёк в высшей степени несправедливый. Кузнецов творчески отнёсся к традиции Данте и ничьих открытий и находок не присваивал. Фантастика отнюдь не противопоставлена реалистическому произведению, и никакого постмодерна в его поэмах я не вижу. Думается, лучше всего о творческом методе Ю. Кузнецова сказал переложивший на музыку многие его стихи композитор Г. Дмитриев: “Кузнецов в моём понимании — поэт авангардный... честные и серьёзные духовные искания — духовные взывания — это всегда передний край... В то же время он — поэт до мозга костей национальный, глубоко и прочно укоренённый в русской традиции, в эпосе, в архетипах народного сознания. Русский консервативный авангард — очень редкое и очень ценное в отечественном искусстве явление, характеризующееся такими качествами, как аристократизм и всемирность. Это есть и у Кузнецова”.

В очень спорной книге Ст. Куняева “И бездны мрачной на краю” сказано: “... для Юрия Поликарповича создание этой поэмы было его личным, его собственным путём к Богу и к спасению души”. Без сомнения, поэмы “Путь Христа”, “Сошествие в Ад” и “Рай” стали ещё одним залогом спасения души великого поэта, но думается, что Господь спас бы её и за одну Федору.

Ю. Кузнецов говорил поэту Игорю Тюленеву: “... Я уже написал свою лучшую вещь — “Сошествие в Ад”. Равную ей уже не напишу. О рае написать не смогу, потому что время в стране как раз для ада, а не для рая”.

Конечно, и “Рай”, по-видимому, был дан поэту в его сновидениях, но это не исключает его большой работы и с литературными источниками. Поэт опять отталкивается от традиции Данте: “... я увидел Данте с той стороны, с которой его ещё никто не видел: великим себялюбцем, глядящимся в зеркало, имя коему Беатриче. Печать женственности лежит на всей поэме, но уже раньше — в “Новой жизни” — поэт сближал Беатриче с Богородицей и с Христом, а это есть величайшее ослепление, и ослепление от того, что он глядит в зеркало... Поэтому его Рай холоден и бессодержателен”.

Поэт всё время искал в религии душевную теплоту и содержательность. Параллельно “Раю” он писал религиозные стихи, наиболее примечательными из которых являются “Поэт и монах” и “Молитва”. Стихотворение “Поэт и монах” посвящено Игнатию Брянчанинову, который, по мысли Кузнецова, был против обращения писателей к религиозной тематике.

*Поэт вскричал: — Да это враг!
Окстился знаменным отмахом —
И сгинул враг, как тень в овраг...
Но где монах? И что с монахом?*

Характерно для Ю. Кузнецова и стихотворение “Молитва” о трёх старцах, безыскусно молившихся Господу:

Ты в небесах — мы во гресех — помилуй всех!

Потом два старца умерли, а третьего попытались научить Молитве Господней, но он её не осилил и вынужден был молиться по-старому.

Этими стихотворениями поэт отстаивает право каждого человека на собственное понимание религии. Три его христианских поэмы не случайно названы золотыми. Они действительно напоминают иконы.

Я отрываюсь от письменного стола и оглядываю свою комнату. Так получилось, что в нашей семье не сохранилось старых икон. По мере нашего воцер-

ковления мои родители и я покупали современные иконы – в России, Болгарии, Греции, на Святой Земле – и были благодарны современным мастерам, которые, опираясь на старые традиции, создали для нас эти “окна в мир иной”.

Между тем, Ю. Кузнецов силился увидеть в небесной выси сияние Рая. Прежде всего, он разглядел в Раю символизирующей Россию Китеж, потом – Адама и Еву, ангелов, в том числе и своего ангела-хранителя, двенадцать апостолов. Он хотел описать в “Раю” свою встречу с отцом. В Раю опять же он увидел ворона, олицетворявшего собой сатану и сражённого Георгием Победоносцем, и древо познания, осыпающее свои “плоды роковые”.

“Рай”, по-видимому, давался поэту нелегко. Он сказал отцу Владимиру Нежданову, что за “Раем” должен последовать Страшный Суд. Но сам факт обращения поэта к образу Рая и изображение искупления России и – в лице Адама и Евы – всего человечества показывает, что Кузнецов вовсе не считал Добро и зло равновеликими, как утверждают некоторые исследователи. Подобно Леониду Леонову, он боялся “равновесия света и мрака”, но он верил в непобедимое стояние Федоры и пустынника (“Когда подымает руки, // Мир озаряет свет // Когда опускает руки – // Мира и света нет”), в вечность “светлейшей страны”, где “свеча закона... бледна пред солнцем благодати”).

Ещё в 1994 году в стихотворении “Время человеческое” поэт умолял му дать до Судного Дня время “помолиться за всех и за вся”:

*Голос был свыше, и голос коснулся меня
За полминуты до страшного Судного Дня:
— Вот тебе время — молиться, жалеть и рыдать.
Если успеешь, спасу и прощу. Исполать!*

В своём творчестве он действительно молился, жалел и рыдал, оплакивал свою Родину и указывал ей путь духовного возрождения после перенесённых ею катастроф. Трудно согласиться с тем, что после написания христианских поэм “дальнейшая земная жизнь для него потеряла смысл, поскольку он исполнил всё, для чего пришёл на нашу грешную землю”. Он всегда был певцом своей Родины, а как автору гражданской лирики, государственному мыслителю в поэзии ему, возможно, не было равных в XX веке.

Когда он пытался разглядеть благодатную долину Рая, он был восхищен от нас высшей силой и, возносясь в воспетую им долину, радостно произнёс: “Домой!” Теперь его сновидения продолжались в мире ином, и оттуда он видит свою дорогую Россию, жену, дочерей и внука, и былых соратников, из которых мало кто оказался достойным его памяти. О своих грехах он говорил: “В душе моей много грехов, но Христос отжал эти грехи, это очень страшно было. И моё воображение содрогнулось”. Из селений праведных он молится за свой народ и страну и великодушно прощает всех, кто и посмертно пытается свести с ним счёты.